

УДК 93/94+172.4+ 355.01

Н. Ю. Николаев

**«БЕСПОЩАДНАЯ ВЗАИМНАЯ РЕЗНЯ ПЕРЕДОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ НАЦИЙ...»:
ПУБЛИЦИСТИКА Л. З. СЛОНИМСКОГО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассмотрена общественно-политическая позиция известного публициста Л. З. Слонимского в период Первой Мировой войны. Выявлены оценки им причин, характера и вероятных результатов масштабного конфликта. Публицист обвинял в развязывании мировой войны исключительно страны Тройственного союза и прежде всего Германию. Именно их стремление к территориальным захватам и экономическим преференциям он считал главной причиной разразившегося летом 1914 г. конфликта. После февральской революции 1917 г. основной причиной столкновения великих держав Слонимский называл сословно-монархический строй центрально-европейских автократий.

Автор внешнеполитических обзоров «Вестника Европы» негативно относился к межгосударственным конфликтам, постоянно подчеркивая их антигуманность и социальную вирулентность. Тем не менее, вплоть до своей кончины, Слонимский поддерживал идею «войны до победного конца». Даже понимание неспособности России в конце 1917 г. выполнять свой союзнический долг не изменило принципиальной позиции публициста, осуждавшего идею заключения сепаратного мира с Центральными державами. По этой причине он жестко кри-

тиковал как леворадикальные проекты «мира без аннексий и контрибуций», так и большевистскую дипломатию накануне подписания Брестского договора.

Победа стран Антанты, по его мнению, означала бы не только сокрушительное поражение «прусского милитаризма», служившего главным источником международной напряженности на рубеже XIX–XX вв., но и невозможность повторения мировой войны. Для установления прочного и долговременного мира Слонимский предлагал предоставить независимость малым европейским народам. Следующим шагом стало бы строительство стройной системы международного права, в которой зачинщикам конфликтов грозили бы не только морально-экономические, но и военно-политические санкции. Однако эффективное применение правовых начал в мировой политике, по мнению публициста, было возможно лишь при условии внутренней демократизации стран-участниц. В конечном итоге, повсеместное распространение демократии, считал Слонимский, привело бы к полной победе человечества над милитаризмом и политической воинственностью.

Ключевые слова: милитаризм, мир, война публицистика, международное право, демократия.

N. Yu. Nikolaev

**«RUTHLESS MUTUAL MASSACRE OF LEADING CULTURAL NATIONS...»:
JOURNALISM OF L. Z. SLONIMSKY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR**

The article considers the socio-political position of the famous publicist L. Z. Slonimsky during the First World War. His assessments of the causes, nature and likely results of the large-scale conflict are revealed. The publicist accused only the countries of the Triple Alliance and first of all Germany of starting the World War. He considered their aspiration to territorial captures and economic preferences as the main reason for the conflict that broke out in the summer of 1914. After the February Revolution of 1917, Slonimsky called the class-monarchic system of the Central European autocracies the main reason for collision of great powers.

The author of the foreign policy reviews of the "Herald of Europe" had a negative attitude to interstate conflicts, constantly emphasizing their inhumanity and social virulence. However, until his death, Slonimsky supported the idea of "the war to the bitter end". Even the understanding of Russia's inability to fulfill its allied duty at the end of 1917 did not change the principled position of the publicist, who condemned the idea of concluding a separate peace with the Central powers. For this reason, he harshly criticized both left-wing radical projects of "a world without annexa-

tion and indemnity" and Bolshevik diplomacy on the eve of the signing the Brest Treaty.

The victory of the Entente countries, in his opinion, would mean not only a crushing defeat of "Prussian militarism", which served as the main source of international tension at the turn of the XIX–XX centuries, but also the possibility to repeat World War II. In order to establish a lasting peace, Slonimsky proposed granting independence to small European peoples. The next step would be to build a coherent system of international law in which the instigators of conflicts would face not only moral and economic, but also military and political sanctions. However, the effective application of legal principles in world politics, according to the publicist, was possible only under the condition of internal democratization of the participating countries. Ultimately, the local spread of democracy, according to Slonimsky, would lead to a complete victory of humanity over militarism and political belligerence.

Key words: militarism, peace, war, journalism, international law, democracy.

Леонид (Людви́г) Зиновьевич Слонимский (1850–1918) известный российский публицист, социолог, юрист рубежа XIX–XX вв. На протяжении многих лет он писал внешнеполитические обзоры в умеренно либеральном журнале «Вестник Европы», который пользовался популярностью среди земской интеллигенции, чиновничества, буржуазии и университетской профессуры [5, с. 369–373]. Значительный интерес у публициста вызывали вопросы войны и мира, которые он подробно анализировал как в ежемесячно публиковавшемся «Иностранном обозрении», так и в отдельных статьях. Тем самым, не участвуя формально в отечественном антивоенном движении, Слонимский неустанно пропагандировал миротворческие идеи на страницах одного из самых авторитетных либеральных изданий России [9; 10; 11; 31; 36; 38]. К примеру, внимание публициста привлекла Гаагская мирная конференция 1899 г, результаты которой он оценивал достаточно высоко [3, с. 87–91]. В то же время внешнюю политику царизма на Дальнем Востоке, Слонимский подвергнул серьезной критике, видя в ней одну из причин русско-японской войны [4, с. 184–185]. На наш взгляд, во многом благодаря публицистической активности Слонимского антивоенная проблематика в конце XIX – начале XX вв. неизменно находилась в фокусе внимания редакции «Вестника Европы».

Накануне Первой Мировой войны Слонимский не раз делился с читателями своими тревожными ожиданиями неминуемой катастрофы [1, с. 35–36]. В апреле 1914 г. он писал о «страшном призраке европейской войны», который приближается стараниями военных кругов. «Катастрофа могла бы сделаться неизбежно в каждый данный момент, – предостерегал публицист, – стоило бы только центральным силам поколебаться на минуту в решении миролюбия и увлечься доводами военных специалистов, – и разыгрались бы события, последствия которых нельзя было бы предвидеть» [12, с. 368]. В июле 1914 г., когда события на Балканах приняли уже необратимый характер, Слонимский с горечью признавал «непостижимый и лихорадочный» характер гонки вооружений. «Чем вызваны эти торопливые приготовления? – саркастически вопрошал он, – Против кого собираются в поход руководители армий и флотов? Куда ведут Европу правительства и парламенты? Никто этого не знает; все ссылаются на какие-то неведомые опасности, которые могут обрушиться на народы в каждый данный момент» [13, с. 414].

Основной причиной конфликта публицист считал стремление правящей элиты Центральных держав и прежде всего Германии к масштабным территориальным приобретениям и получению новых экономических выгод [18, с. 397]. К числу важных косвенных факторов, способствовавших началу мировой войны, Слонимский относил столкновение национального движения и империалистических стремлений великих держав [34, с. 337–338].

В то же время, по его мнению, вина за развязывание конфликта лежала исключительно на

противниках России. Публицист призывал одуматься германское правительство, которое вопреки собственным геополитическим интересам защищала очередное «возмутительное предприятие», задуманное, уверенной в своей безнаказанности Австро-Венгрией. В предшествующий период военный шантаж Центральных держав, убежденных в том, что Франция и Россия не допустят нарушения международного мира, неоднократно позволял им добиваться ряда локальных геополитических побед. «Тройственный союз, – категорично утверждал Слонимский, – не только не служил гарантией мира, но постоянно сам создавал опасность войны» [37, с. 345]. Австро-Венгрия ловко использовала Германию для достижения собственных целей, но и в Берлине привыкли действовать в своей внешней политике резко и грубо, «бесцеремонно отклоняя всякие предложения, направленные к обеспечению общего мира и справедливости в международных отношениях» [37, с. 346].

Апеллирующему к силе и беззаконию Тройственному союзу Слонимский противопоставлял альянс России и Франции. Последний с момента своего создания носил исключительно оборонительный характер и хотя «военные соображения играли в нем все более крупную роль», вина за эту милитаризацию целиком и полностью ложилась на Германию. За все время существования русско-французского союза его участники ни разу не проявляли агрессивных намерений, не предъявляли ни к кому непомерных требований, не поддерживали несправедливых притязаний. Столь же миролюбивой, с момента образования Антанты, была и внешняя политика Великобритании. «Тройственное согласие, – писал Слонимский, – уже по своему составу и направлению не могло представлять опасность для общего мира, которому непрерывно и настойчиво угрожал тройственный союз, претендовавший на гегемонию в Европе» [37, с. 348]. Против политики грубой силы, олицетворяемой Центральными державами, поднялась коалиция «культурных наций, борющихся за мир на основе права». Их победа над прусским милитаризмом привело бы к исчезновению постоянной международной напряженности, и послужила бы «началом эпохи мирного существования и развития народов» [14, с. 406].

Подчеркивая важность победы над Германией и ее союзниками, публицист одновременно искренне и глубоко сожалел о самом факте начала войны. Он указывал на ее катастрофические социально-экономические последствия: огромные финансовые затраты и утрату бесценных культурных ценностей. Ограбление завоеванных территорий никак не компенсировало колоссальных военных расходов, безвозвратными оставались «материальные и промышленные потери», загубленные человеческие жизни были одинаково утрачены и для победителей, и для побежденных. Война надолго рассорила участников конфликта, разрушила создаваемые десятилетиями межгосударственные связи, «уничтожила все плоды многолетних трудов и затрат... в области мировой

внешней торговли, морского судоходства, колониальной политики» [39, с. 290]. Серьезный удар был нанесен и по духовному здоровью европейских народов. Многочисленные свидетельства бесчеловечной жестокости в отношении военнопленных, мирного населения и нейтральных государств демонстрировали циничное отрицание «всяких существующих норм международного права» [17, с. 355–356]. (Отметим, что приведенные примеры военных преступлений, совершались, по мнению публициста, исключительно военнослужащими Четверного союза).

Уже весной 1916 г. Слонимский указывал на стремительно возрастающее в европейском обществе чувство усталости от войны. Чудовищная действительность, наконец, окончательно сорвала с боевых действий романтический флер, продемонстрировав «перед человечеством такую бездну» и обнажив «в такой отвратительной форме сущность свою», что сникала общую ненависть и отвращение. Публицист сравнивал стихию войны с природной стихией и с надеждой полагал, что если для защиты от разрушительных сил природы удалось найти эффективные средства, то вполне возможно их изобретут для контроля над международными конфликтами [34, с. 326–327].

Однако прочный и долговечный мир, по мысли Слонимского, был возможен лишь при условии разрешения национального вопроса, через «полное освобождение всем угнетенным национальностям» [34, с. 337, 351]. (При этом автор старательно обходил российские реалии, а освобождение малых народов он понимал в первую очередь как «окончательное распадение империи Габсбургов») [34, с. 339]. Однако разрешение данного вопроса отнюдь не гарантировало всеобщего умиротворения, которое требовало, прежде всего, глубинной перестройки господствовавшей системы международных отношений. «Чтобы обеспечить мир, — отмечал публицист, — ... нужно создать интернациональный правовой режим, выработать правила поведения, обязательные для всех государств, ограничить этими правилами их абсолютизм, как конституция ограничивает абсолютную власть монарха. Словом необходима своего рода международная конституция, основанная на праве, ставящая право выше силы» [34, с. 341].

Возможно ли «построить величественный храм международного права», задавался вопросом публицист? Казалась, мировая война окончательно растоптала те ростки интернационализма, которые были заложены на рубеже XIX–XX в., попрали прежние договоренности и гаагские конвенции. Однако игнорирование правовых принципов одним или несколькими государствами, (разумеется, к ним автор относил только Центральные державы), означало лишь их моральное банкротство, но не коллапс всей системы международного права в целом [34, с. 344–345]. Слонимский соглашался с точкой зрения ряда французских юристов, которые требовали подкрепить будущую систему международного права механизмом

разнообразных санкции против ее нарушителей; как пассивных (экономический и моральный бойкот), так и активных (военно-политическое давление). Кроме того, построенная на правовых отношениях жизнь европейских государств означала бы естественное уменьшение военных расходов, которое происходило бы под контролем специальных комиссий. Внедрение подобной системы, считал публицист, должно было привести к «самым благотворным результатам и не только организовать международные отношения на принципах права, но также устранить опасность войны и избавить от тягот милитаризма» [34, с. 345–350]. Препятствием для реализации этого грандиозного плана, сулившего в перспективе установление всеобщего мира, могло послужить отсутствие народного контроля за внешней политикой, который пресекал бы агрессивные поползновения «отдельных каст и групп». Слонимский повторял свою прежнюю мысль о том, что без внутренней демократизации кардинальная перестройка межгосударственных отношений стала бы невозможной, а созданное «здание международной юстиции» оказалось бы построенным на песке. Таким образом, «общая проблема будущего мира силою вещей превращается в проблему демократизации Европы (курсив наш — Н.Н.)» [34, с. 353–354].

После Февральской революции идеи о тесной взаимосвязи монархического строя с милитаризмом и увеличением числа межгосударственных конфликтов выражалась публицистом заметно яснее. По его словам, в руках царствовавших династий находились вооруженные силы государств, внутренняя и внешняя политика, то есть «право жизни и смерти над своими и чужими народами». До тех пор, пока существовал подобный порядок, европейские страны будут периодически испытывать «кровавые ужасы», вызванными личными интересами и амбициями и никак не связанными с решением насущных задач государственной политики [27, с. 368–369]. Однако, справедливо обвиняя сословно-монархический строй в усилении международной напряженности начала XX в., Слонимский умалчивал о том, что в наиболее недемократической форме он существовал именно в Российской империи.

Вместе с тем, публицист был активно вовлечен в тот процесс нагнетания националистических и антигерманских настроений, что в начале мировой войны захлестнули значительную часть либеральной интеллигенции. В своих внешнеполитических обзорах он в полной мере использовал свой недюжинный журналистский талант, для демонизации противника, активно используя при этом семантическую дихотомию «свой-чужой». Лексическая конструкция «свой» в пропаганде всегда представляет собой набор исключительно положительных качеств. В результате, во внешнеполитических обзорах Слонимского «русский народ» выступал максимально позитивной коннотацией, ему изначально были присущи миролюбие, справедливость и гуманизм [37, с. 348].

В свою очередь противник – «чужой» становился носителем в высшей степени негативных черт. По словам публициста, политическая система Германии существовала в условиях «безусловного господства грубой физической силы в вопросах войны и мира», попирая не только «законы права и этики, но и законы простого здравого смысла». Иррациональное стремление к войне, независимо от насущных государственных интересов была характерной чертой прусского милитаризма. В результате такого мышления война из средства трансформировалась в самодостаточную и независимую цель внешней политики Германии. Поэтому неудивительно, что по здравому зову своего правительства немецкий народ «превратился в кровожадную, разрушительную силу, готовую истреблять огнем и мечем мирные поселения соседних стран» [15, с. 354–355]. Население Германии, забыв христианского Бога, стало поклоняться «прусскому Богу», одобрявшему крайние проявления военного духа и национализма, превратившись, таким образом, в приверженцев нового, антигуманного по своей сути язычества. «После страшных, кровавых, разрушительных дел, – писал Слонимский, – германские войска набожно возносят благодарственные молитвы к своему прусскому Богу, употребляя при этом всуе имя Христа» [29, с. 339]. В этом пейоративном ряду вполне органично смотрелось сравнение Вильгельма II с древнеримским императором Калигулой, прославившимся своими безумными поступками, чудовищными преступлениями и деспотичными замашками [35, с. 320–323].

В ряде небольших по объему и обличительных по духу статей автор «Иностранного обозрения» жестко критиковал природу германской государственности, основанной на отрицании «всяких договорных и человеческих прав в международных отношениях». Созданный войной, «второй рейх» видел в насильственных захватах единственный источник внешнеполитической мощи и авторитета. «Вздыхать свободно, завоевать свое место под солнцем, – утверждал публицист, – значило для немецких патриотов избавиться от соперничества равносильных великих держав, принудив их довольствоваться скромной второстепенной ролью под контролем Германии. Для достижения этой цели требовалось подчинение права и этики безусловному культу силы» [28, с. 311–312].

С неприкрытой иронией комментировал Слонимский проекты отдельных германских интеллектуалов предстоящего расчленения территории России. «Доставалось» от публициста и немецким социал-демократам, которые молчаливо одобряли военные приготовления своего правительства, ввиду неизбежного столкновения с Россией [24, с. 314–318; 28, с. 312–315]. В то же время, Слонимский старательно «не замечал» те весьма многочисленные проекты послевоенного территориального переустройства, что появлялись из-под пера его экспансионистски настроенных соотечественников. Кроме того, публицист был и сам не прочь «подправить» границы Центральных держав в пользу России и ее союзников.

Правда следует признать, что он скорее констатировал факт будущего передела государственных границ, нежели призывал к нему [16, с. 350].

Чувство возмущения и досады у Слонимского вызывал резкий рост шовинизма и русофобии среди видных представителей немецкой науки и культуры. Комментируя печально известный «манифест 93-х», он отмечал, что именитые ученые не только отвергли те жестокости, в которых мировое сообщество справедливо обвиняло германскую армию, но взяли под защиту «источник этих военных ужасов – прусско-германский милитаризм» [8, с. 346]. Однако ставка на грубую силу, предрекал публицист, едва ли сработает, ведь военный и экономический потенциал, противостоящей Германии и ее союзникам коалиции, был неизмеримо больше. В недалеком будущем это сулило неизбежные для Берлина поражения на фронте, и как следствие, отрезвление немецкого общества и отказ от несбыточных завоевательных планов [8, с. 348–350].

Немецкая армия, считал Слонимский, с начала конфликта систематически нарушала те нормы гуманитарного права, которые были установлены в Гааге в 1899 г. и дополнены на второй мирной конференции. Публицист не был склонен объяснять это особыми свойствами «тевтонской психологии», а отсылал к тому внутривнутриполитическому курсу, что проводился с начала правления Вильгельма II. Поворот к бесправию был совершен под влиянием милитаризма и был тесно связан с идеей «последней войны». Тщательная подготовка к ней и уверенность в будущей победе внушили правящей элите в Берлине «несчастную мысль, что нет надобности считаться с нормами и обязательствами международного права, если последние могут замедлить или стеснить в чем-либо триумфальное шествие германских армий» [7, с. 289–292]. В результате, Германия с самого начала боевых действий постоянно отступала от норм гуманитарного права, лицемерно требуя их соблюдения в отношении себя самой. Наиболее вопиющим примером нарушения гаагских конвенций, Слонимский считал использование немецкой армией отравляющих газов – средством, которое было «возмутительно по существу и бесчеловечно по производимым им последствиям» [26, с. 325–327, 329–331]. Показательно, что протесты Берлина и его апелляция к нормам международного права в связи с морской блокадой, поставившей гражданское население Германии на грань голодной смерти, Слонимский напрочь отвергал, считая подобную политику стран Антанты «правильной и корректной» [22, с. 357–358].

Во всех этих рассуждениях, на наш взгляд, четко прослеживалось противопоставление двух принципов человеческого общежития, двух мировоззрений и культур. Гуманистические ценности – «мир-созидание-право-цивилизация-христианство», по мнению публициста, были связаны с Россией и ее союзниками. Их антитезой выступали идеи «войны-разрушения-бесправия-варварства-язычества», носителями которых являлись страны Четверного союза и прежде всего Германия.

В то же время, публицист признавал наличие в германской культуре давних традиций миротворчества. Например, возможность достижения вечного мира горячо отстаивал И. Кант. Слонимский указывал на принципиальную ошибку современного ему пацифизма, который, в отличие от великого философа, не увязывал прекращение «международного бесправия» с масштабными политическими реформами. Согласие на третейское разбирательство, готовность к международному посредничеству, апелляция к общественному мнению – все эти важнейшие составляющие общего умиротворения были возможны лишь при условии уважения государств к праву и демократической их организации. При отсутствии этих условий, убеждал читателей публицист, «никакие Гаагские конвенции и никакие международные соглашения не изменят существовавшего положения вещей» [6, с. 320–322].

Отрицательное отношение к военным конфликтам, не мешало Слонимскому последовательно призывать к национальному единению и борьбе до победного конца [19, с. 343; 25, с. 337]. Германские войска использовала самые жестокие приемы и методы войны – применяли ядовитые газы, бомбардировали мирные города, расстреливали невинных заложников и топили пассажирские суда нейтральных государств. И все это для того, что бы противник поскорей стал просить мира. Однако система террора, развязанная прусской военщиной, имела обратный эффект, «она вызвала только ожесточение и закрыла все пути к компромиссу» [30, с. 338]. Победа Германии, по мнению публициста, означала бы «дальнейшие ужаснейшие войны, и только ее поражение уничтожило бы источник наступательного милитаризма и привело бы к водворению прочного мира в Европе» [30, с. 339]. По этой причине Слонимский возмущался попытками некоторых «усердных миротворцев» навязать России сепаратный мир. Его удивляла наивность ряда общественных деятелей нейтральных стран, рассуждавших о необходимости заключения скорейшего мира и не учитывавших желание Центральных держав диктовать его условия с позиции силы [18, с. 398–401]. Даже на третьем году войны, в условиях всеобщей усталости, огромных затрат и понесенных жертв, Слонимский предостерегал российское правительство от заключения поспешного мира. Он отдавал должное ловкости германской дипломатии, инициировавшей мирные переговоры, так как неизбежный отрицательный ответ членов Антанты «перенес бы на них ответственность за страшное кровопролитие» [20, с. 360]. Недружелюбно публицист встретил и американское предложение о посредничестве, которое не только носило характер тенденциозной односторонности, но было связано с влиянием германского лобби в США [20, с. 370–372]. Именно по причине наличия у союзников «принципиального миролюбия», указывал Слонимский, они «не могут думать о мире без полной победы...» [21, с. 338, 353].

После Февральской революции публицист приветствовал решение Временного правительства

о продолжении войны. «Только силой, – заявлял он, – можно заставить центральные империи вернуть награбленное ими, а так как нельзя уже бросить Бельгию, Северную Францию и Сербию на произвол победителей, то не может быть и речи о прекращении войны со стороны держав согласия...» [23, с. 383]. Негодовал Слонимский относительно нападок отечественных пацифистов на страны Антанты, которым приписывали не только агрессивные захватнические планы, но собственно развязывание мировой войны. В результате, сторонники мира в России настаивали не столько на откате Германии от «подготовленных ею аннексий и полученных уже контрибуций», сколько на том, что бы ее противники не вздумали в случае победы «обидеть» Центральные державы [32, с. 686].

Реализация подобного сценария будущего мира представлялась Слонимскому откровенно предвзятой и сулившей серьезные международные потрясения для Европы в недалеком будущем. Возможно ли сохранить «status quo» в международных отношениях, задавался он вопросом, после трехлетней борьбы, позволив тем самым отдельным агрессивным государствам вновь «бросать великие и малые культурные нации в омут неслыханных кровавых бедствий и страданий» [32, с. 687]? Лозунг «мир без аннексий и контрибуций» ему представлялся противоречивым, непоследовательным и далеким от политических реалий. Он означал для Германии и Австро-Венгрии лишь вынужденное перемирие, которое несколько не разрешало стоявшие перед европейскими народами международные противоречия и стало бы лишь прелюдией к новой кровопролитной войне. Помимо этого, сепаратный мир с Центральными державами означал бы неизбежные и весьма чувствительные для России территориальные потери, так как германское правительство рассматривало возможность мирных переговоров с ней лишь с позиции победителя [32, с. 687–690, 700].

В то же время следует признать, что одновременно публицист констатировал безмерную усталость России от войны, отмечал миролюбивые устремления большинства ее населения, указывал на захват немецкой армией важных стратегических позиций. Слонимский призывал союзников осознать, что «революционный народ уже не мог... жертвовать собой из уважения к традициям и договорным обязательствам царской власти, он требовал прекращения надоевшей всем, мучительной и бесплодной войны и возмущался призывами мирных патриотов к отправке людей на фронт и к наступлению армии» [32, с. 680–681].

Нарастание конфликта между антивоенными взглядами Слонимского и пониманием необходимости защищать Родину от вражеского нашествия в полной мере продемонстрировал его критический разбор статьи Р. В. Иванова-Разумника «Испытание огнем» [2]. Уже в его преамбуле публицист риторически спрашивал читателя: «Ужасы мировой войны, беспощадная взаимная резня передовых культурных наций, истребление и ка-

лечение сотен тысяч ни в чем не повинных молодых людей при помощи усовершенствованных смертоносных орудий, разорение и опустошение богатейших областей в Европе, бессмысленное уничтожение накопленных капиталов и всевозможных материальных ценностей, систематическое озверение народных масс под руководством мнимых поборников права и справедливости, — разве это не сплошное безумие» [27, с. 367]? Однако когда враг угрожал российской столице, отвлеченные рассуждения о войне и мире со стороны левых радикалов-интернационалистов казались Слонимскому явно неуместными. Он возмущался попытками Иванова-Разумника уравнять смерть людей от болезней и голода с их гибелью от пуль и снарядов на войне. Не разделял публицист и уверенности социалиста в том, что в рамках капиталистической системы империалистические войны, которые велись бы ради удовлетворения материальных интересов «мирового купца», неизбежны и неостановимы. По мнению Слонимского, представители крупного капитала, за исключением немногих связанных с оборонной промышленностью, также страдали от войны, теряя огромные материальные ценности и потому с их стороны стремление к новому столкновению было бы сродни сумасшествию [27, с. 372–377]. «Ни «мировой купец», ни «государство купец», — утверждал публицист, — ни другие фантастические фигуры, выводимые на сцену для мнимо-радикального объяснения войны, не устраняют того бесспорного факта, что интересы промышленности и торговли находятся в непримиримом противоречии с какими бы то ни было воинственными планами и стремлениями» [27, с. 378]. Слонимский считал, что Иванов-Разумник не пожелал указать на истинного виновника войны — сословно-монархический строй центральных держав, неуклюже подменяя его вульгарным классовым подходом. Более того, он был готов согласиться и на полное поражение России, отделение от нее значительных территорий и выплату огромной контрибуции, лишь бы оно приблизило ее якобы политическое освобождение. Публицист отмечал, что призывая к прекращению войны, Иванов-Разумник одновременно требовал отказа от сопротивления агрессору и согласия на иноземное владычество. Следствием такого подхода, не без иронии резюмировал Слонимский, стало бы разделение мира на державы-завоеватели с миллионными армиями и миролюбивые страны, руководимые интернационалистами, готовыми подчиняться любому международному насилию [27, с. 379–381].

Рассмотрел публицист и те условия мира, которые предлагали умеренные представители социал-демократической партии. Приветствуя в принципе призывы социалистов к скорейшему окончанию войны и заключению прочного мира, Слонимский усматривал в их подходе ряд недостатков. Во-первых, подписание мирного договора произошло бы не с левыми партиями Германии, а с ее правительством, которое несло бы прямую ответственность за разжигание мировой

войны. Во-вторых, заключенный таким образом мир подкрепил бы политический авторитет авторитарий Центральных держав, придав новый импульс милитаризму и подвергнув опасности будущее мирное существование европейских государств. В третьих, решимость союзников продолжать войну до победного конца, их стремление навсегда покончить с прусской военщиной и обеспечить продолжительный и справедливый мир, социалисты были склонны объяснять совершенно иначе, а именно своекорыстными интересами французских и английских капиталистов. Многие социал-демократы, утверждал публицист, не желали осознать, что настоящим противником установления мира был не абстрактный капитализм, в равной степени страдавший от военных тягот и лишений, а отсутствие принципов народовластия в политической системе ряда воюющих государств. «...Первая насущная задача социализма, — решительно заявлял он, — должна заключаться в упразднении монархии со всеми ее принадлежностями, ибо пока существует в Европе могущественное монархическое гнездо, в роде австро-германского, до тех пор не может быть и речи ни о прочном, справедливом мире, ни о проведении в жизнь основ социалистического строя» [32, с. 705–706].

Враждебно Слонимский встретил известие о начале мирных переговоров с Германией, которые проводило новое большевистское правительство. Развернутые им внутренние репрессии против помещиков и капиталистов, признавал публицист, имели причиной «сильнейшую жажду внешнего мира». Конечно, было бы замечательно следовать внешнеполитическим заявлениям Временного правительства и до конца проявлять солидарность с союзниками, но есть ли для этого, вопрошал публицист, у раздираемой внутренними противоречиями России необходимые силы [33, с. 392–393]? Слонимский фактически признавал, что возможностей для достойного сопротивления Центральным державам экономически истощенная и постепенно погружающаяся в политический хаос страна не имела. Однако и планы большевистской дипломатии, «на всех парах» мчавшейся к заключению сепаратного мира вызывали у публициста открытое неприятие. Намерения нового главы внешнеполитического ведомства Л. Д. Троцкого пригласить на мирные переговоры союзников без предварительного обсуждения их условий, и, что особенно забавляло публициста, без уведомления о том немецкой стороны, выглядело «бессмысленным издевательством» [33, с. 394–398]. Надежды относительно согласия Германии с предлагаемыми ей условиями, то есть «мир без аннексий и контрибуций, основанный на и самоопределении наций» он именовал «младенческими иллюзиями». В ходе мирных переговоров, отмечал Слонимский, «расчетливая политика германского империализма» столкнулась с «революционным доктринерством людей, привыкших приписывать словесным формулам действительную реальную силу» [33, с. 399].

В конечном счете, судьба оказалась к нему достаточно милосердной. Леонид (Людвиг) Зиновьевич Слонимский скончался в январе 1918 г., то есть до официального заключения Брестского мира, условия которого он, безусловно, посчитал бы национальным предательством и позором.

Подводя итог, отметим, что Первая Мировая война стала серьезным испытанием миротворческих взглядов Слонимского. Оставаясь жестким критиком межгосударственных столкновений, публицист с самого начала конфликта твердо придерживался патриотических позиций, отстаивая идею войны до победного конца. В то же время идейная непоследовательность и противоречивость либеральной доктрины сказывались на тональности публикуемых им материалов, приводя к парадоксальному сочетанию идеи победоносной войны с осуждением варварских способов

ее ведения. В статьях Слонимского постоянно присутствовала рефлексия «военных жестокостей», что, однако, не мешало ему замалчивать или даже оправдывать таковые в отношении противной стороны. Кроме того, следует признать известную эволюцию воззрений публициста на проблемы войны и мира. По мере разрастания конфликта и увеличения людских и материальных потерь призывы «сражаться до окончательной победы», постепенно сменялись нарастающими алармистскими настроениями, в которых все более заметно прослеживались его антивоенные взгляды. В своих последних публикациях Слонимский фактически признал неспособность России выполнять союзнический долг, но продолжал выступать против заключения сепаратного мира с Центральными державами.

Источники и литература

1. Агапов В. Л. «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. №31. С. 33–47.
2. Иванов-Разумник Р. В. Испытание огнем // Скифы. Сборник 1-й. СПб. Книгоизд. «Скифы», 1917. С.261–303.
3. Николаев Н. Ю. Проблемы войны и мира на страницах журнала «Вестник Европы» в 1898–1899 гг. (по материалам Л. З. Слонимского) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №1. С. 86–92.
4. Николаев Н. Ю. Русско-японская война на страницах «Вестника Европы» в 1903–1905 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №2 (22). С.184–188.
5. Очерки истории журналистики и критики. В 2 т. Т.2. Вторая половина XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 516 с.
6. Слонимский Л. З. Воинственная Германия и возврат к Канту // Вестник Европы. 1915. №3. С.317–322.
7. Слонимский Л. З. Германия и культ силы // Вестник Европы. 1915. №1. С.286–292.
8. Слонимский Л. З. Германские ученые и милитаризм // Вестник Европы. 1914. №11. С.342–350.
9. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1883. №9. С.380–395.
10. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1891. №9. С.395–405.
11. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1895. №9. С.386–398.
12. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №4. С.364–375.
13. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №7. С.404–416.
14. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №8. С.387–407.
15. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. №9. С.350–369.
16. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. №3. С. 346–359.
17. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. №4. С.347–357.
18. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №1. С.388–402.
19. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №3. С.342–356.
20. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1916. №12. С.360–375.
21. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №1. С.337–353.
22. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №2. С. 346–360.
23. Слонимский Л. З. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1917. №3. С.373–391.
24. Слонимский Л. З. Книга о целях войны // Вестник Европы. 1916. №8. С.314–318.
25. Слонимский Л. З. Критический момент // Вестник Европы. 1915. №7. С.333–337.
26. Слонимский Л. З. Международное право и милитаризм // Вестник Европы. 1915. №8. С.325–331.
27. Слонимский Л. З. Новое оправдание войны // Вестник Европы. 1917. №7-8. С.367–382.
28. Слонимский Л. З. Немецкие завоевательные планы // Вестник Европы. 1914. №10. С.311–316.
29. Слонимский Л. З. Новое язычество на почве национализма // Вестник Европы. 1915. №5. С.338–344.
30. Слонимский Л. З. Плоды «реальной» политики // Вестник Европы. 1915. №12. С.336–345.
31. Слонимский Л. З. По поводу недавних толков о войне // Вестник Европы. 1886. №9. С.392–396.
32. Слонимский Л. З. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 4-6. С.679–712.
33. Слонимский Л. З. Политическое обозрение // Вестник Европы. 1917. № 9-12. С.385–400.
34. Слонимский Л. З. Проблемы будущего мира (письмо из Франции) // Вестник Европы. 1916. №5. С.326–355.
35. Слонимский Л. З. Суждения о Вильгельме II // Вестник Европы. 1915. №4. С.320–328.
36. Слонимский Л. З. Торжество миролюбия // Вестник Европы. 1894. №12. С. 783–801.
37. Слонимский Л. З. Фатальный союз // Вестник Европы. 1914. №8. С.340–348.
38. Слонимский Л. З. Французские и немецкие идеи о войне // Вестник Европы. 1892. №10. С.753–768.
39. Слонимский Л. З. Что нужно было Германии? // Вестник Европы. 1914. №12. С.287–294.

References

1. Agapov V. L. «V soyuze s peredovymi nაციამი»: nachalo mirovoj vojny v liberal'nom zerkale «Vestnika Evropy» (1914–1915 gg.) (*“In Alliance with the Advanced Nations”: the Beginning of World War in the Liberal Mirror of the “Herald of Europe” (1914–1915)*) // Novyj istoricheskij vestnik. 2012. No. 31. P.33 – 47. (In Russian)
2. Ivanov-Razumnik R. V. Ispytanie ognem (*Fire Test*) // Skify. Sbornik 1-j. St.Petersburg: Skify, 1917. P.261–303. (In Russian)
3. Nikolaev N. Yu. Problemy vojny i mira na stranicah zhurnala «Vestnik Evropy» v 1898–1899 gg. (po materialam L. Z. Slonimskogo) (*Problems of War and Peace in the Pages of the Journal “Bulletin of Europe” in 1898–1899. (Based on L. Z. Slonimsky)*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. No. 1. P.86–92. (In Russian)
4. Nikolaev N. Yu. Russko-yaaponskaya vojna na stranicah «Vestnika Evropy» v 1903–1905 godah (*Russian-Japanese War on the Pages of the “Herald of Europe” in 1903–1905*) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. No. 2 (22). P.184–188. (In Russian)
5. Ocherki istorii zhurnalistiki i kritiki (*Essays on the History of Journalism and Criticism*). In 2 Vols. Vol. 2. Vtoraya polovina XIX v. (*The Second Half of the XIX Century*). Leningrad: Leningrad university, 1965. 516 p. (In Russian)
6. Slonimskij L. Z. Voinsvennaya Germaniya i vozvrat k Kantu (*Militant Germany and Return to Kant*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 3. P. 317–322. (In Russian)
7. Slonimskij L. Z. Germaniya i kul't sily (*Germany and the Cult of Power*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 1. P.286–292. (In Russian)
8. Slonimskij L. Z. Germanskie uchenye i militarizm (*German Scientists and Militarism*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 11. P.342–350. (In Russian)
9. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1883. No. 9. P.380–395. (In Russian)
10. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1891. No. 9. P.395–405. (In Russian)
11. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1895. No. 9. P.386–398. (In Russian)
12. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 4. P.364–375. (In Russian)
13. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 7. P.404–416. (In Russian)
14. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P.387–407. (In Russian)
15. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 9. P.350–369. (In Russian)
16. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 3. P.346–359. (In Russian)
17. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 4. P.347–357. (In Russian)
18. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1916. No. 1. P.388–402. (In Russian)
19. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1916. No. 3. P.342–356. (In Russian)
20. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1916. No. 12. P.360–375. (In Russian)
21. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1917. No. 1. P.337–353. (In Russian)
22. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1917. No. 2. P.346–360. (In Russian)
23. Slonimskij L. Z. Inostrannoe obozrenie (*Foreign Review*) // Vestnik Evropy. 1917. No. 3. P.373–391. (In Russian)
24. Slonimskij L. Z. Kniga o celyah vojny (*Book about the goals of war*) // Vestnik Evropy. 1916. No. 8. P.314–318. (In Russian)
25. Slonimskij L. Z. Kriticheskij moment (*Critical Moment*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 7. P.333–337. (In Russian)
26. Slonimskij L. Z. Mezhdunarodnoe pravo i militarizm (*International Law and Militarism*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 8. P.325–331. (In Russian)
27. Slonimskij L. Z. Novoe opravdanie vojny (*New Justification for War*) // Vestnik Evropy. 1917. No.7–8. P.367–382. (In Russian)
28. Slonimskij L. Z. Nemeckie zavoevatel'nye plany (*German Conquest Plans*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 10. P.311–316. (In Russian)
29. Slonimskij L. Z. Novoe yazychestvo na pochve nacionalizma (*New Paganism on the Basis of Nationalism*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 5. P.338–344. (In Russian)
30. Slonimskij L. Z. Plody «real'noj» politiki (*The Fruits of the “Real” Policy*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 12. P.336–345. (In Russian)
31. Slonimskij L. Z. Po povodu nedavnih tolkov o vojne (*Regarding Recent Talk of War*) // Vestnik Evropy. 1886. No. 9. P.392–396. (In Russian)
32. Slonimskij L. Z. Politicheskoe obozrenie (*Political Review*) // Vestnik Evropy. 1917. No. 4–6. P.679–712. (In Russian)
33. Slonimskij L. Z. Politicheskoe obozrenie (*Political Review*) // Vestnik Evropy. 1917. No.9–12. P.385–400. (In Russian)
34. Slonimskij L. Z. Problemy budushchego mira (pis'mo iz Francii) (*Problems of the Future World (Letter from France)*) // Vestnik Evropy. 1916. No. 5. P.326–355. (In Russian)
35. Slonimskij L. Z. Suzhdeniya o Vil'gel'me II (*Judgments of Wilhelm II*) // Vestnik Evropy. 1915. No. 4. P.320–328. (In Russian)
36. Slonimskij L. Z. Torzhestvo mirolyubiya (*Triumph of Peace*) // Vestnik Evropy. 1894. No.12. P.783–801. (In Russian)
37. Slonimskij L. Z. Fatal'nyj soyuz (*Fatal Alliance*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 8. P.340–348. (In Russian)
38. Slonimskij L. Z. Francuzskie i nemeckie idei o vojne (*French and German Ideas about War*) // Vestnik Evropy. 1892. No. 10. P.753–768. (In Russian)
39. Slonimskij L. Z. Chto nuzhno bylo Germanii (*What did Germany Need*) // Vestnik Evropy. 1914. No. 12. P.287–294. (In Russian)

Сведения об авторе

Николаев Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного университета (Волгоград) / nikcam@mail.ru

Information about the author

Nikolaev Nikolay – PhD in history, Associate Professor, Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University (Volgograd) / nikcam@mail.ru